

ЛЮБОВЬ ДЕТОЧКИНА

**АВТОРСКАЯ
ПАРФЮМЕРИЯ**

**КНИГА АРОМАТОВ
часть третья**

Любовь Деточкина

**Авторская парфюмерия.
Книга ароматов. Часть третья**

«Издательские решения»

Деточкина Л.

Авторская парфюмерия. Книга ароматов. Часть третья /
Л. Деточкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509576-3

Авторская парфюмерия — это чистое волшебство, которое зыбкой дымкой держится в нашем отвергающем чудеса мире. Это искрящаяся энергия, из которой в любой миг может родиться сказка.

ISBN 978-5-00-509576-3

© Деточкина Л.
© Издательские решения

Содержание

Odoratika Валерия Карманова	6
Odoratika Нарвская бухта	7
Odoratika Tangalunga	8
Odoratika White Moon (Белая Луна)	10
Odoratika Sweta Santala	12
Odoratika Лепестки в траве	14
Odoratika Dragon's Well (Колодец Дракона)	15
Odoratika Маракеш	17
Odoratika Фортуна	18
Odoratika Сны дриады	20
Odoratika Аполон и дафна	22
Odoratika Отражение	24
Odoratika Tobacco Garden	25
Odoratika The Dark River Темная река	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Авторская парфюмерия. Книга ароматов

Часть третья

Любовь Деточкина

Корректор Евгения Царик

Иллюстратор Любовь Деточкина

© Любовь Деточкина, 2019

© Любовь Деточкина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-9576-3 (т. 3)

ISBN 978-5-0050-9577-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Odoratika Валерия Карманова

Odoratika Нарвская бухта

Рубен стоял у оплавленных перекошенных перил и смотрел в замерзшую белую гладь.

Они успели. Это было хорошо. Но прилетели слишком поздно для того, чтобы спасти. Сначала они жгли, сбрасывая тонны напалма. Потом пришла уточняющая директива, что океан заражен. Рубен молчал несколько минут, а потом спустился в технический отсек, где на мониторах уже фиксировали зону поражения, и сам ввел команду «ISA». Они еще никогда не видели, как работает оледенитель на такой большой территории. Приборы показали готовность, невидимые лучи острыми ножами вырезали из пространства материю, которая превращалась в состояние окаменевшей мерзлоты. Дальше шли отчеты, подтверждения, что вирус не обнаруживается, анализ чистоты и пригодности атмосферы. Рубен оставил читать это все помощника. Он посадил шатл, заблокировал выходной терминал, и игнорируя рекомендацию о защитном скафандре, вышел в выгоревшую и замороженную равнину. Он шел прямо, слушая ровный хруст под тяжелыми ботинками. Рубен вспоминал высокие кипарисы на набережной, аромат можжевельника и капсулу подводного такси, которое увезло его два года назад прямо в объятия любимой жены и дочери. Их праздничный ужин у больших иллюминаторов подводной виллы в честь его скорого возвращения, ведь оставалось всего два с половиной года. Это так мало, а впереди ждала тихая уютная жизнь, полная любви, радости и счастья в самом современном и безопасном на планете месте – подводном городе Нарвил.

Ноты: можжевельник, мокрый табак, зеленая скорлупа грецких орехов (йод), холод, вода, пепел, замерзшая во льду трава, хвойное масло, кипарис, соль, скипидар, кора, почва со мхом.

Odoratika Tangalunga

Высокие лаковые сапоги, начесанные высветленные волосы, вызывающая яркая помада. Гала готовилась. На руки прыгнула Яра. Гала чуть качнулась, но устояла на ногах.

– Все будет хорошо, – пообещала Гала и опустила камышового кота на пол.

Яра чужая нервность хозяйки. Гала закрыла глаза, глубоко вдохнула и задержала дыхание. Ушли звуки города, сочащиеся сквозь приоткрытое окно вместе со смогом и пылью, ушел стук сердца. Гала вдохнула терпкую нагретую солнцем зелень равнины, почувствовала аромат спелого манго, протянула руку и почти коснулась темного морщинистого лица бабушки. В голове зазвучал шелестящий тихий голос.

– Есть работа для белых, холенных городских людей с дипломами, за нее всегда будет драка, а есть работа для нас, и на нее никого нет, кроме нас.

Образ бабушки подернулся темной пеленой, темнота ожила и издала громкое урчание.

Яра бодала большой мягкой головой ногу Галы.

Гала погладила кошку, проверила содержимое сумки и вышла в ночные огни города.

– Покатаемся, красавица, – звучали голоса из проезжающих мимо машин.

Охранник клуба осклабился и, пропуская внутрь, басовито прошептал:

– Тебе бесплатно!

Гала хорошо запоминала лица, но в этот раз она все же взяла фото клиента с собой. Мельком взглянув на него в приоткрытой сумке, она поправила изрядно пожженные белой краской волосы и огляделась. Найдя объект, Гала направилась к нему сквозь танцпол, вихля бедрами так, что две хлипкие девушки, попавшие под удар, поскользнулись и упали.

Быстрое движение руки в сумочке. Несколько капель на ладонь. И вот уже по щеке бритого с фотографии течет оранжевое масло.

– Хочешь массаж, массаж, хороший массаж, ты расслабиться! – выкрикивает сквозь музыку Гала, размазывая по широкой шее масло.

– Уйди! – кричит телохранитель бритого и отталкивает Галу.

Гала смешивается с танцующими, быстро пробираясь через них к выходу. Она тяжело дышит. Ночной пыльный воздух проникает внутрь, но не дает облегчения. Гала достает фляжку, делает несколько глотков и закашливается.

– Крепко, милая? Поделишься? – спрашивает сидящий у стены бродяга.

Гала отдает фляжку. Немного покачиваясь, но уже глубоко дыша, она отправляется в темный переулок. Там Гала скидывает неудобные сапоги, с наслаждением касается босыми ногами остывающего асфальта. Она безумно скучает по своей деревне, по ее запахам, ночным шорохам, топоту бегущих буйволов, гомону ребятни. Но она останется в каменных джунглях, чтобы регулярно отправлять в деревню посылки.

В недрах ночного клуба, распластавшись на полу, лежит бритый, по его лицу бегают разноцветные огни стробоскопов.

Бездомный с удивлением допивает сладкий нектар манго из фляжки.

Гала запрокидывает голову.

– Звезды остаются такими же, куда бы ты ни пошла, – звучал тихий голос бабушки.

Ноты: маракуя, мамины духи, авокадо, шерсть животного, слива, лаковая кожа, лак для волос, пыль, асфальт, смог, зелень, кожистые листья, манго, тропические фрукты.

Odoratika White Moon (Белая Луна)

Густая темнота окутывала, баюкала и шептала: «спи».

Но Лизу таким не возьмешь. Она опустила ноги с кровати, нащупала тапок, хлопая босой ногой по полу, поискала второй, но осознав тщетность усилий, отправилась в темноту комнат в одном правом тапке. Лиза любила темноту. Она могла ходить по своей маленькой квартирке с закрытыми глазами. Но оказавшаяся на месте двери стена резко вернула Лизу к реальности. Реальность состояла в том, что уснула Лиза в доме у крестной. Милой седеющей старушки, безумно обожавшей свою единственную, пусть и не родную, дочурку. Потирая лоб, Лиза вспоминала расположения комнат. И когда искры перестали мелькать перед глазами, бодро направилась в кухню. Шаря по стене, Лиза нащупала дверцу буфета и улыбнулась. Первым нашлось блюдо с жареным арахисом. Потом чуть подсохшие конфетки в вазочке. Пачка не любимого, но такого вкусного ночью печенья. Дальше в руках оказалась коробка. Лиза запустила в нее палец, облизала и скривилась. Какао. Простое, горькое. А сахарницы нет. Лиза покопалась в памяти, ища подсказку, где же находится сахарница. Но память подбросила обрывок вчерашней беседы с крестной. Они стоят у двери кухни и Лиза гордо заявляла:

– Я не хочу переступать порог этой полной соблазнов комнаты, я на жесткой диете!

Вот оно как! Лиза тихонько вернула распотрошенную коробку какао на полку. Дверца буфета предательски громко скрипнула. Привстав на носочки, Лиза начала красться обратно в спальню. Из темноты начал проступать белый прямоугольник холодильника. На мгновение потеряв контроль над своим телом, Лиза словно в замедленной съемке, наблюдала как это, вырвавшееся из уз контроля тело, метнулось к холодильнику. Но злополучный правый тапок зацепился, и, продолжая движение, Лиза падала. В падении она успела подумать, как хорошо было бы попить горячего сладкого чая с вареньем из розовых лепестков, которое всегда было у крестной. В финале падения Лиза, разумеется, достигла пола, больно ударилась локтем и коленом, и что было еще унижительнее, разбудила крестную. «Застигнута ночью у холодильника, какой позор!» – думала Лиза. Крестная вбежала в кухню в необъятном кружевном балахоне, который она именовала «правильной ночной рубашкой», чем вызвала легкую улыбку Лизы. Выяснив, что все живы, крестная достала из холодильника мазь, отдала тюбик Лизе, а сама поставила на плиту большой чайник. Лиза молча мазала ушибы. Крестная расставляла на столе большие чашки с еще более огромными блюдами из старого сервиза. Потом достала розовое варенье. Посмотрела на Лизу, и та со вздохом кивнула.

Ноты: жаренный арахис, пралине, кокосовая стружка, песочное печенье, ментол, мята, карамель, какао-порошок, мазь против ушибов, крахмальные салфетки, чай, роза чайная, пыльный дым, сухие травы.

Odoratika Sweta Santala

– Ты намекаешь, что здесь должен быть имбирь? – улыбаясь, спросила Алла.

– Я не намекаю, я прямо говорю, – серьезно ответил Олег.

– И с чего ты это взял?

– В меню значится кофе с имбирем, значит, это кофе, и в него добавили имбирь.

– Совсем не значит.

Алла сделала большой глоток из чашки.

– Ну и что там?

– Ммм... А ты мне поверишь на слово?

– А у меня есть выбор?

– Ты прав, выбора у тебя нет.

Алла засмеялась и сделала еще глоток, покатила его во рту, проглотила, потом с видом знатока опустила нос в почти пустую чашку.

– Кофе.

– Издеваешься?

Алла подмигнула и продолжила.

– Шоколадная крошка, коньяк, мускатный орех, корица, ягодка, не знаю какая, но вкусная.

– Стой, стой! – прервал ее Олег, – Ты уверена, что это все там?

– О да, и я только начала.

Алла злорадно ухмыльнулась.

– А еще там есть шикарный пиджак от Армани, впитавший аромат кожаного салона Бэнтли, и легкую ауру вечерней сигары, которую обладатель пиджака курил в обществе дамы, которая носит Шанель номер 5, она пила красное сухое вино, красила губы алой помадой, а потом страстно целовала того, кто был в пиджаке.

– Я прекрасно помню вчерашний вечер.

– Ты лишь помнишь, а я его пью.

Алла допила кофе и ловко перевернула чашку на блюдце.

– Даже не думай!

– Ты же знаешь, что случится.

Она подняла чашку и всмотрелась в разводы кофейной гущи.

– Этим вечером мы навсегда уйдем из этого мира, – улыбаясь, произнесла Алла.

– Я как-то не планировал так рано умирать.

– Такой умный человек и такой глупый. Мы уйдем в другой мир.

– Надеюсь, в более приятный, хотя я бы и не уходил, но ты уже погадала.

– Угу, я погадала, и оно обязательно случится.

– Вставай, нам пора!

Алла поправила тяжелый шлейф платья, взяла крохотную сумочку и отправилась вслед нервничавшему Олегу.

Бэнтли припарковался. Швейцар распахнул дверь, и на них обрушился щелкающий шквал фотоаппаратов, вопросы журналистов, визги оттесняемых охраной поклонников. Олег крепко сжал руку Аллы, и они медленно пошли по красной дорожке на церемонию вручения Оскара.

Ноты: темный шоколад, имбирь, кофе, коньяк, мускатный орех, корица, ягодные ноты, красное вино, ткань-шерсть, кожа салона авто, табак сигары, альдегиды, помада, пластик перегретой фото техники, абсент.

Odoratika Лепестки в траве

Я лежала на лужайке и смотрела в небо широко распахнутыми глазами. Мои глаза цвета неба. Я самая красивая. Яна думает, что самая красивая Лика, потому что у нее модное платье. Ей еще много предстоит понять. Я лежу на мягкой траве, неподвижно, не дыша, и это самое правильное, что можно делать сейчас здесь. Яна же бегает, рвет траву и мнет ее пальцами в большой миске. И спустя уже несколько минут она прерывает мое спокойствие, усаживается возле злополучной миски с травой, улыбается и предлагает это покушать. Как мне ей отказать? В ее глазах нет неба, они карие, похожие на маленькие шоколадные медальки, в них светится чистая незамутненная любовь. «Сохрани ее как можно дольше, дорогая» – думаю я, притворяюсь, что ем мятую траву. Немного травы падает на мое платье, теперь я окончательно не буду считаться красивой, по мнению Яны. Но зато получу ожерелье из сухих листьев, которое она смастерила, пока я изображала поедание травы. Листья пахнут горечью надвигающейся осени, и скоро мы не будем ходить в парк, и я не смогу лежать на траве, отражая глазами небо. Тем временем неугомонная Яна вынимает из сумки розовый пластиковый тазик, наполняет его водой из бутылки и достает маленький кусочек хозяйственного мыла, который она прихватила из кухни. Нет-нет, только не купание! Это же парк. Приличные люди не купаются в парке. Яна стаскивает мое платье. Но удача на моей стороне, купаться мне не придется. Яна просто будет стирать платье. Все-таки, она любит меня, хоть и не считает самой красивой. Я сижу на траве и смотрю, как маленькие детские ручки кропотливо отстирывают зеленое пятно. Она вырастет хорошей девочкой и возможно расскажет своим детям про меня, ее самую любимую куклу с глазами цвета неба. Ноты: размятая трава, опавшие листья, хозяйственное мыло, дерн, вода.

Odoratika Dragon's Well (Колодец Дракона)

Тишину нарушало мерное постукивание. Вадим жонглировал апельсинами. Все заморожено наблюдали, как оранжевые шары летают в воздухе. Пока один апельсин не упал на стол. Тут-то все и началось. Вера подпрыгнула, перевернула на себя чашку с чаем и запричитала, наблюдая, как по белому платью расплзается мокрое пятно. Толик рванулся к ней и перевернул журнальный столик, на котором располагалось чаепитие. Чашки, бутылка молока, ваза с хризантемами, коробок с печеньем полетели на пол. Все начали метаться, пытаясь исправить происшествие. Катя просила успокоиться, но это только усиливало деятельность.

– Я всё уберу! – закричал Вадим и начал открывать ящики кухонного шкафа.

В одном из них за рядом коробок с разными сортами чая виднелась пачка салфеток. Вадим потянулся за ними, но в этот момент подкралась расплзающаяся лужа. Ноги Вадима со свистом сместились в бок, он взмахнул рукой, пытаясь ухватиться за полку, в воздух взметнулся фейерверк разноцветных чаинок, и глухой стук упавшего тела Вадима завершил этот кульбит.

– Стоять! Всем стоять! – истошно кричала Катя.

Но никто никогда не поддерживал ее прагматичный подход к реальности, поэтому попытки укротить безобразие продолжились. Добравшийся до Веры Толик, начал выжимать подол платья.

– Щас высохнет!

– Пятно останется, надо замыть, – вырывала свою юбку Вера.

Толик сильнее подкрутил, Вера яростнее дернула, и, поскользнувшись, рухнула на пол. В руках Толика осталась скрученная жгутом юбка. Толик протянул жгут Вере. Она взяла жгут и молча начала бить им Толика. Никто уже не собирался убирать. Вера в обрывках топа и кружевных трусах бегала за уворачивающимся Толиком, пытаясь нанести как можно больше точных ударов. Вадим перекатывался по полу, тихо жалуясь на разные части тела, которые он ушиб в падении. Катя извлекла из шкафа настойку сосновых шишек и пила ее из горла маленькими глоточками, сидя на полу скрестив ноги. Осознав, что его никто не собирается жалеть, Вадим подполз к Кате и присоединился к испитию настойки. Они передавали друг другу бутылку, наблюдая за азартно гонящейся за Толиком Верой. Вскоре последние забежали в ванную и притихли. Катя и Вадим посмотрели друг на друга, и у них их возникла общая мысль. Была ли ей виной опустошенная бутылка настойки или же повизгивающие вздохи Веры, доносящиеся из ванной комнаты, но мысль эта пришла, и состояла в том, что им очень хочется вместе убирать эту кухню, пить на ней вечерами чай и никогда больше не приглашать в гости Веру и Толика.

Ноты: черный чай, слива, кожа, табак, дым копчения, апельсин, цветочные ноты, грейпфрут, фруктовые ноты, хризантемы, сахар, роза, улун, молоко, молодые сосновые шишки, алкоголь, дерево, кора, амбра.

Odoratika Маракеш

Что за безумная женщина, она уже три квартала идет за мной? Карл обернулся. Старуха в черных одеждах следовала за ним, сохраняя дистанцию. Карл начал сворачивать в сторону базара. В рыночной толчее намного проще затеряться. Вклиниваясь в поток базарной площади, Карл ускорился, он продирался, расталкивая впереди идущих, и когда преследовательница исчезла из поля зрения, Карл остановился, отдышался и зашел в первую попавшуюся лавку. Когда за прилавком он увидел преследовавшую его женщину, на него нахлынуло оцепенение. Женщина улыбалась, Карл неподвижно стоял и смотрел ей в глаза. Потом все разом ушло, страх от преследования, ступор от неожиданного поворота. Карл подошел к женщине и, не отрывая взгляда, спросил:

– Чего вы хотите?

– Чтобы ты остался.

Ноты: чернослив, дым, песок, горелое дерево, жженый сахар, шоколад, пачули, шелк, мокрый камень, фруктовые ноты, сангрия.

Odoratika Фортуна

Пустыня.

– Господи, спаси меня!

Горин не верил своим глазам. Мимо пролетел шар перекасти-поля. По всему периметру, доступному зрению, простилась сухая выжженная равнина с мелкими крупинками песка, которые под потоками неощутимого ветра образовывали извилистые полосы.

– Это сон! Сон! Я хочу проснуться! – кричал Горин, подняв голову к белым небесам.

Он сел на землю. Тело обдало жаром. «А ведь предупреждал Иваныч, что не надо...», – бубнил Горин, но вид громадного, с пятиэтажный дом, огненного колеса прервал его размышления. Колесо горело ярким огнем и само по себе катилось прямехонько на Горина. Горин побежал. Он оглядывался, и каждый раз видел за своей спиной колесо. Дистанция постепенно сокращалась. Горин рванул вправо. Колесо какое-то время катилось по старой траектории, а потом словно опомнившись, направилось за Гориним.

– Что за черт! Помогите! Люди!

Горин кричал и ошутимо сдавал в скорости. Колесо настигало. Жар приближающегося огня не давал вдохнуть, обжигая гортань. В глазах плыло. Воспоминание детства последней искрой пронеслось в сознании Горина – он сидит на высокой табуретке у старой конфорочной плиты и смотрит на огонь.

Горин упал на колени и, закрыв голову руками, зажмурился. Он ждал неминуемого и страшного финала, но финал не спешил наступать. Горин приоткрыл глаза. Вокруг стояла ночь. Воздух полный сухой пыли щекотал нос. Тело мягко сдавливало, погружая в нечто сыпучее, погружение было плавным, практически незаметным. Горин смотрел на высокий диск луны, необычно бледный, практически не освещающий пространство. Сыпучее достигло подбородка, Горин хотел поднять руку, чтобы отряхнуться, но оказался недвижим. Это открытие не напугало Горина. Поначалу он, было, хотел испугаться и закричать, но понял, что израсходовал весь свой испуг еще в побеге от горящего колеса. Поэтому он стиснул рот, закрыл глаза, вдохнул, сколько позволяло обездвиженное тело, и стал ждать. На этот раз ждать пришлось долго. Горин несколько раз открывал глаза, но бледная луна висела над ним и погружение вроде как продолжалось.

– Достало! – вырвалось у Горина.

– Достало, – тихим эхом повторил Иваныч.

– Иваныч, ты?! – не веря счастью, возопил Горин.

– Я, – подтвердил Иваныч, и басовито захрапел.

Горин уставился на бледный диск над своей головой, это была тусклая лампа, в старом ржавом плафоне. Он соскочил с дивана, перевернул несколько пустых бутылок коньяка, который создавал в своем подвале Иваныч, рванулся в прихожую, потом вернулся в комнату и обнял спящего Иваныча.

– Спасибо тебе! – крикнул Горин в ухо Иваныча.

В ответ тот поморщился и выдал раскатистый храп.

Горин выбежал из квартиры Иваныча, захлопнул дверь, и, не сбавляя скорости, неся по выплывающему из утренних сумерек городу.

– У меня все хорошо! – кричал во все горло Горин.

– Да пошел ты! – догоняли его обрывки возгласов разбуженных граждан, которые высывались в окна и осыпали Горина проклятиями.

Ноты: сухая земля, пачули, кожа, полынь, коньяк, пыль.

Odoratika Сны дриады

Варфоломея злилась. Злая Варфоломея была опасна для окружающих, это знали и окружающие, и сама Варфоломея. Поэтому она всегда старалась занять себя очень важными и полезными делами в этот момент. Так, для сохранности окружающих. Сейчас Варфоломея мешала в высокой ступке какие-то листья, найденные на кухне приправы, ромашку, полынь и боролась с желанием прогуляться. Содержимое ступки превратилось в мелкую пыль, пестик громко бил о дно. Кофе! Осенило Варфоломею. Выпить кофе, и все пройдет. Ритмично стуча, она плавно переместилась в кухню. Кофе надо было молоть. Варфоломея взглянула на кофемолку, веселенькую, в цветочек, подаренную ей на новый год сестрой. От этой радостной цветастости свело зубы, Варфоломея кинула горсть кофе в ступку и яростью затарабанила по ней пестиком. Вскоре из ступки начали подниматься пыльные облака перемолотого в труху содержимого. Варфоломея чихнула, осмотрелась и бухнула в ступку полбанки меда. Теперь в ступке можно было плавно водить по темно-зеленому островку спокойствия и тишины. «Спокойствие и тишина», – вслух произнесла Варфоломея, и в этот момент закукарекал соседский петух.

– Чтоб тебя, горластый! – стукнула кулаком о стол Варфоломея, и петух подавился очередным своим криком.

Варфоломея бродила по кухне в состоянии глубокой задумчивости. Временами она возвращалась к реальности, и подкидывала в ступку то, что попадалось под руку. Потом она резко остановилась и принялась. Ступка источала аромат. Аромат, этот, вызывал у Варфоломеи эйфорию. Она с трудом сдерживала расплзающуюся на лице улыбку. Потом плюнула и улыбалась во всю целых пять минут. Но взяв себя в руки, схватила авоську и вышла на улицу, сохраняя обычное – отрешенно-суровое выражение лица. Варфоломея шла по главной улице поселка. Ее провожали настороженными взглядами. Она помахала Петровичу. В ответ тот выдавил кривую улыбку и уронил лопату на ногу. Прыгая на одной ноге, Петрович сыпал ругательствами и с опаской поглядывал на удаляющуюся Варфоломею.

«Не понимают они своего счастья, – думала Варфоломея, «не видят насколько сегодня хороший день, особенно для Петровича. Он может ронять себе на ногу лопату вместо того, чтобы квакать в ближайшем пруду. А все потому, что я очень добрая, и мне это дается, ой как нелегко». Варфоломея дошла до «сельпо».

– Хочу все то же самое, что ты мне продал неделю назад, – выпалила Варфоломея, стуча по перевернутому тазу, под которым прятался продавец.

Поняв, что маскировка раскрыта, продавец вылез.

– Я не помню, что продал вам неделю назад. Может, вы просто скажите, что требуется?

– Я бы так и сделала, если бы знала, но мне требуется все то, что было у меня, мне еще пропорцию восстанавливать! – сурово отрезала Варфоломея.

– А если вы еще подумаете и вернетесь завтра?

– Твой любимый цвет случаем не зеленый?

Продавец поперхнулся.

– Красный мадам, я сейчас придумаю, что можно сделать.

Он взял авоську из рук Варфоломеи и начал складывать туда разные продукты.

– Возможно – вы взяли в прошлый раз именно это.

– Хорошо бы тебе не ошибиться. Сколько с меня?

– Ни сколько. Сегодня день... день скидок... бесплатно.

– Однозначно хороший день.

Варфоломея кивнула продавцу, ловко схватила полную сумку и, погрузившись в приятные раздумья, как она приготовит много этой зеленой пахучей кашицы, пошла домой.

Ноты: пудра, зеленые ноты, тимьян, трава, ваниль, ромашка, гиацинт, полынь, абсент, мед, жасмин, сухой кофе, пачули, древесина.

Odoratika Аполон и дафна

- Яду мне, яду, – шепчет Андреас, склонив голову на золоченый подлокотник.
– Простите, не расслышал, Ваше Величество, – говорит Кози.
– Кози, – тянет Андреас, словно пробуждаясь ото сна.
– Я, Ваше Величество, – отвечает слуга.
– Ты здесь? – продолжает Андреас.
– Да, Ваше Величество, – говорит Кози и кланяется.
Андреас возвращается к своим мыслям. Слуга, тихо перемещается в угол залы.
– Навек на муки обречен, забыт, покинут, сна лишен, холодный серый мрамор стен, потери груз, воспоминаний плен, – бормочет Андреас.
Входит Джулия.
– Испей воды, отец, прохладна и чиста.
Андреас принимает кубок и пьет. Прислушивается к своим ощущениям, но ничего не происходит.
– Кротка ты, словно мать.
Джулия кланяется.
В зал вбегает шут.
– Скука прочь! Веселись, рядом дочь!
Андреас машет рукой шуту, чтобы тот уходил, но шут остается, падая на пол у ног Джулии.
– Давай устроим бал, – говорит Джулия.
– Печали полон я, – отвечает Андреас.
Джулия вздыхает и отходит к окну. Входит Марк.
– Отец, собрался я в поход! – восклицает Марк.
Андреас поворачивается лицом к спинке трона.
– Что, в этот раз? – тихо спрашивает Марк у Джулии.
– Средь ночи бросил в ров ее, скалистый склон, уж не спасти, – печально отвечает Джулия, машет рукой и возвращается к созерцанию вида за окном.
Входит королева. За ней две служанки несут большую расшитую вензелями подушку.
– О радость, свет, нашлась любовь моя! – восклицает Андреас, бежит мимо королевы и обнимает подушку.
– Да будет бал, поход и пир! – кричит Андреас, танцуя по залу в обнимку с подушкой.
Шут играет на флейте. Королева, улыбаясь, смотрит на супруга.

Ноты: ветивер, цитрон, ветки вишни, мята, зеленые ноты, листья, черный перец, эвкалипт, мрамор, лавр, древесина, ткань батист.

Odoratika Отражение

Она шла по мокрой серой улице. Люди спешили, закрывались зонтами, прятались в ближайшие магазины и кафе. А ты. Можно я перейду сразу на ты? А ты тихо плыла, вглядываясь в экран смартфона. Экран подсвечивал твое лицо, и оно выглядело зеленоватым. Ты походила на заплутавшее приведение. Такая медлительная, задумчивая, погруженная в свои мысли. А потом ты остановилась, повернулась на девяносто градусов и пошла прямо на меня, следящего за тобой из окна кофейни. В голову пришла странная мысль, что в руках у тебя совсем не смартфон, а волшебный компас, по которому ты отыскиваешь нужного человека, чтобы... Дофантазировать я не успел, ты подняла глаза и посмотрела прямо на меня. Я был, застигнут врасплох, словно пойманный за подглядыванием в женской раздевалке. Я смутился и скорее всего, покраснел. Взгляд твой опять вернулся к смартфону. Потом ты постучала по стеклу и показала экран. Из-за дождя я не мог практически ничего разглядеть, скорее всего, это была карта города. Ты что-то говорила, но было не слышно. Жестами я пытался объяснить, что не слышу. Я схватил рюкзак и побежал к выходу. Дождь встретил меня холодной волной. Я завернул за угол. Я улыбался. Место, где еще минуту назад стояла ты, пустовало. Я огляделся и увидел, как ты идешь по улице, рядом с тобой идет мужчина, вы оба смотрите в твой смартфон и словно не замечаете дождь. Я продолжил улыбаться и глядеть тебе в след. Дождь обнимал меня потоками воды, пах цветами, наверно это был специальный дождь, который показал, что в мире несмотря ни на что существует прекрасное, пусть даже и не в моей судьбе.

Ноты: трава, акация, нарцисс, вербные почки, зеленый болгарский перец, календула, жасмин, вода, мускус, хвоя, смола.

Odoratika Tobacco Garden

Амадей чертил на салфетке лабиринт. По лабиринту этому должен был ходить страшный монстр, он увязывался за игроком, заставляя выслушивать стенания о своих бедах, всячески оскорблял и унижал, а тех, кто не хотел слушать, он сжирал, и приходилось начинать игру сначала. Бар вокруг шумел, вечер только начинался. Амадей медленно выпил рюмочку «Амиго» и вывел последний виток лабиринта, где логически должен был находиться выход, но улыбнувшись, Амадей нарисовал тупик. Бармен забрал пустую стопку.

– Сделай еще эту штуковину, – попросил Амадей.

Бармен кивнул. Амадей мысленно вернулся в свой лабиринт. Выходило очень жестоко, игроки, пропустившие правильный выход на предыдущем уровне, попадали в бесконечную петлю и уже не имели возможности закончить игру, только выслушивать монстра и бродить по бесконечному, местами нарочито одинаковому лабиринту. Амадей был доволен собой, ему платили как раз за особые игровые тупики, такие, чтобы игрок не осознавал, что забрел не туда, и продолжал сражаться. Новая рюмка «Амиго» была еще вкуснее, девушка в конце стойки что-то печально рассказывала бармену, театрально всхлипывая. Амадей расцвел в улыбке и добавил в лабиринт НПС Бармена. Бармена легко было найти уже при втором обходе лабиринта, он стоял в небольшом ответвленном тупике. При появлении Бармена, чудовище временно исчезало, и игрок вел диалог с барменом, в котором в свободной форме мог поведать ему свои печали и горести, которых с каждым бесполезным проходом лабиринта становилось все больше. Эта новая изюминка сюжета несла сострадание, хоть и не меняла участи проигравшего игрока. Амадей допил коктейль и мысленно поблагодарил вселенную за то, что в ней существуют бары, выпивка и бармены.

Ноты: шоколад, пачули, мех, темный ром, зеленые ноты, пряные травы, ликер, сливки, текила.

Odoratika The Dark River Темная река

Монах воскурил благовония в чаше.

– Дыши лбом, – сказал он и оставил меня.

Я лихорадочно думал, как в минимальный срок научиться дышать лбом, иначе деньги за сеанс пропали даром. Я морщил лоб, напрягал все найденные там мышцы, задерживал «неправильное» дыхание ртом и носом, но чувствовал, что терплю неудачу. С другой стороны, подумал я, посижу в тишине, отдохну от суеты, повдыхаю целебный дымок, наверняка же целебный. Я сделал несколько глубоких вдохов, расслабился и провалился.

Первые несколько секунд я боялся пошевелиться, потом глаза привыкли к темноте, я осмотрелся и понял, что нахожусь в старом коллекторе слива дождевой воды. Пахло сыростью, круглые своды мощные тесаным камнем поросли толстым слоем мха и странными водорослями. Я пытался разглядеть отверстие, в которое рухнул, но сверху находился темный провал. Провал был достаточно высоко. Я потрогал своды, они оказались скользкими. Выбраться обратно не получится. Под ногами текла темная вода. Воды было по щиколотку. Я похлопал по ней ногами в белых носках. Просить клиента снимать обувь перед «священной трапезой духа» – это конечно хорошо, но еще лучше отремонтировать пол, чтобы клиенты не проваливались. На удивление вода не промочила ноги или была такой же температуры что и тело, поэтому не доставляла неудобств. Я выбрал сторону и пошел. Город у нас большой, но сточная сеть, пусть даже и старая, должна иметь люки, чтобы подняться или спуститься в нее через определенные промежутки. Я шел по туннелю, вода внизу издавала звук похожий на зависшую во времени бесконечно тянущуюся ноту горлового пения. Откуда-то поступал свет. Источник его был неизвестен, но свет был мягким, приглушенным, равномерным, что помогало идти с большим комфортом. Я размеренно дышал, чтобы не устать раньше времени, и ловил себя на мысли, что продолжаю чувствовать запах благовоний, он приобрел более легкий и прохладный мотив, что напомнило мне ингаляции в старом советском санатории, куда мы регулярно ездили всей семьей. Я вспомнил отца.

– Папа, папа ты так торопился жить, тебе всегда чего-то не хватало, – сказал я вслух, но не услышал собственного голоса.

Стены, наверно гасят звук, подумалось мне, умели же строить, и воды поэтому не слышно. Я посмотрел вниз и обнаружил, что иду уже по колено в темном потоке. Так я шел, судя по ощущениям, пару часов. Иногда говорил сам с собой вслух и наслаждался тем, что звук голоса отсутствует, а мысли исходят из меня наружу. Уровень воды дошел до пояса, но идти стало легче. Я наслаждался прогулкой, говорил неумолкая, иногда вспоминая, что хорошо бы порой смотреть по сторонам и не пропустить люк наверх. Когда уровень воды поднялся еще, я поплыл, размеренно гребя руками. Говорить уже не хотелось, требовалась тишина. Мне казалось, что сверху светят звезды, по бокам вместо каменных сводов темные, поросшие камышом берега.

Река расширилась. Я плыл на спине, смотря в ночное небо. Моя голова обо что-то ударилась. Это оказалось лодкой. Сверху на меня смотрел Высоченный Тонкий, как струна, Паромщик. Он всмотрелся в мое лицо, расхохотался и с размаху ударил меня веслом. Я погрузился в воду.

– Рано, рано, рано... – вибрировала во всем моем теле.

Я очнулся на веселеньком оранжевом коврикe. Рядом догорала курительница с травами. Я ощупал пол руками и не нашел дыры, в которую провалился. Встал, посмотрел на свои белые сухие носки, вышел в холл и встретился взглядом с монахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.